
РАБОТА А. БЛОКА НАД ПЕРЕВОДАМИ СТИХОВ ИСААКЯНА

М. Л. МИРЗА-АВАКЯН

Блок высоко ценил поэзию А. Исаакяна: «...Поэт Исаакян — первоклассный. Может быть такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет»¹

Обоих поэтов роднило то, что они обладали тонким музыкальным слухом, умели притягивать и завораживать читателя неожиданными ритмическими находками, сложным сплетением звуков. Блок нашел в поэзии Исаакяна высокую культуру, богатый и сложный строй формы.

При переводах стихотворений Исаакяна на русский язык Блок стремился сохранить оригинальность поэтических решений, своеобразие ритмов — донести до читателя тембр поэтического голоса Исаакяна.

Блок занимался переводами Исаакяна в 1915—1916 гг. Работая над стихами Исаакяна, он изучал движение стиха, его музыку, чтобы все это перенести в перевод.

По воспоминаниям М. А. Бекетовой, Блок не только знакомился со стихами А. Исаакяна по подстрочным переводам, но и читал на слух незнакомые слова оригинала. «При этом,— пишет Бекетова,— он высказал поразительную память, запомнив не только ритм, но и целые строфы стихов...»².

Всего им было изучено 26 стихотворений Исаакяна, в основном из цикла «Песни и раны» (1897), но переводились им и стихи более позднего периода (до 1907 г. включительно). Наиболее упорно работал он над переводами стихотворений А. Исаакяна в ноябре-декабре 1915 г. В 1916—1917 гг. Блок опубликовал 21 перевод стихов А. Исаакяна.

В архиве Блока (Институт русской литературы Академии наук СССР) сохранились две папки черновых и беловых текстов переводов стихотворений А. Исаакяна. Некоторые из черновых набросков переводов не были Блоком завершены.

В настоящей статье мы стремимся путем сопоставления этих черновых и беловых текстов проследить оформление поэтической мысли Блока в связи с переводами поэзии Исаакяна, а также сделать и некоторые общие выводы о принципах перевода у Блока.

Блок принадлежит к брянской школе перевода. Как и Брюсов, он стремился в своих переводах не только донести мысль оригинала, но и максимально сохранить поэтическую форму. При этом он, как и Брюсов, понимал, что сохранить все поэтические элементы оригинала при переводе невозможно. Переводчик должен выбрать главное, что определяет оригинал: ритмику (движение стиха), поэтическую идею, музыкальное звучание и т. д. В этом выборе сказывается эстетический вкус и поэтическая культура переводчика. И, следуя брянской теории перевода, Блок тщательно обдумывает это главное, ищет нужную поэтическую форму. Эти поиски и решения ясно прослеживаются при сопоставлении чернового и белого текстов.

Блок выбирает в качестве главного то точную передачу философской мысли стихотворения (и при этом идет на смелые ритмические решения), то поэтический колорит оригинала, то музыкальное оформление.

К местному колориту Блок относится с чувством меры. Местное, национальное передается Блоком так, чтобы оно не затрудняло восприятия поэтической мысли стихо-

¹ А. Блок, Стихотворения. Больш. серия 6-ки поэта, М., 1955, стр. 778.

² М. А. Бекетова, Александр Блок. Биографический очерк, Л., 1930, стр. 204—205.

В этом переводе Блок не стремится к тому, чтобы точно воспроизвести мысль оригинала, он как бы расшивает свои узоры по канве стихотворения Исаакяна. Мысль оригинала им передана приблизительно, причем национальный армянский колорит («Сладкий яр», конь, ржущий по хозяину-воину) заменен сходными образами русской народной песни. Таковы, например, повторы, отсутствующие в оригинале:

«И чужая мать, неродная мать
Будет слезы лить над могилою,
Не моя сестра горевать-рыдать,
Рассыпать цветы над могилою».

Или звуковые повторы:

«Не ищи, душа, не ищи дружка
На хмельном пиру среди товарищей».

Постоянные эпитеты «ворон конь», «хмельной пир», «удалая толпа» также характерны для устной русской народной поэзии.

Ритмика стихотворения изменена Блоком: поставив перед собой цель заменить один национальный колорит другим, Блок подчеркивает русский колорит стихотворения и ритмически — ритмом дольника, народного тонического стиха (у Исаакяна размер трехсложный).

Блок не мог не почувствовать, что в этом варианте поэтические интонации Исаакяна явно терялись; поэтические одежды так изменили стихотворение, что оно по стилю скорее могло принадлежать Кольцову или Никитину, а не Исаакяну. Поэтому Блок изменяет это стихотворение: отработывает в беловом тексте первую строфу в ином стиле, с внутренними музыкальными ритмами:

«Словно молнии луч, словно гром из туч,
Омрачен душой, я на бой попал,
Словно стая туч над зубцами,
Милый друг сестра, брат твой в бой пошел»¹.

Первая строфа несколько ослабила русский колорит этого стихотворения. Однако Блок больше таких попыток не повторил; видимо, он сам пришел к выводу о бесплодности замены одного национального колорита другим.

Большое внимание уделяет Блок точности передачи поэтической мысли оригинала. В тех стихотворениях, где он считает точную передачу поэтической идеи главным элементом, он тщательно обдумывает ее, ищет средств точной ее передачи на русском языке. Так, в стихотворении Исаакяна «Եւ որ մեռնիմ' ինձ կթաղեք» («Когда умру, похороните меня») ² говорится о том, что поэт хотел бы и по смерти сохранить близость к родной земле — чтобы родные вершины Алагяза и родные нивы Армении стерегли его тело. Эту мысль Блок стремится передать наиболее поэтически — и долго ищет средств ее выражения. В черновиках Блока записано несколько вариантов первой строфы:

«Схороните, когда я умру
[Там, где в доли сошел Алагяз]
У подножий крутой горы Алагяза,
На уступе»³.

Или:

«На Алагязе
Схороните, когда я умру».

Или:

«Как умру, схороните меня,
Где склоняется в дол Алагяз,
Чтобы ветер с вершины Манташа...

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 31.

² А. И с а а к я н, Собрание сочинений, т. I, Ереван, 1950, стр. 89.

³ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 7.

Ветер с Манташа прилетит
[Поласкает и вновь улетит]»¹.

Блок напряженно ищет... Чего же? Он стремится найти поэтическую форму идеи стихотворения, форму, которая слилась бы с поэтической идеей. Он отбрасывает один, другой, третий варианты. В них он не находит внутренней поэзии, необходимой для выражения столь высокой, патетической идеи стихотворения.

В беловом тексте мысль передана так:

«Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершины Манташа,
Налетал, надо мною дыша».

Блок выразил мысль более скупой и экономно, чем в черновом варианте. Вторая строфа в черновом варианте Блока передает конец первой строфы у Исаакяна:

«Ветер с вершины Манташа [прилетит]
Поласкает и вновь улетит».

Она вообще не вошла в беловой текст. Третья строфа (у Исаакяна — вторая)² сохранена почти без изменений в беловом тексте, где она стала также второй. Однако, как свидетельствует помета на полях белового текста, Блок был ею не вполне доволен. В углу листа рукой Блока подчеркнуты слова: «распустившие волосы ивы» и написано: «Люба находит, что это — прозаизм»³. Между тем этот образ Блок сохранил в беловом тексте, так как он довольно точно передавал образ оригинала: «ивы с распущенными волосами». В переводе Блока:

«Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы»⁴.

Изучение черновых набросков прежде всего показывает требовательность Блока к себе, тщательную отделку его переводов, завершенных после длительных поисков. В этом смысле интересно проследить работу Блока над стихотворением А. Исаакяна «Սրճուս Կրկնք է» («Сердце мое — небо»⁵). Этого стихотворения мы в беловом тексте переводов Блока не нашли. Черновой автограф его состоит из трех вариантов, различными поэтическими средствами передающих идею стихотворения.

В черновом автографе имеется помета, сделанная рукой Блока: «Непосильный труд: всех слов в этот размер не вместить»⁶. Помета датирована 20 декабря 1915 г. Из нее видно, в чем Блок затруднялся при работе над стихотворением: сложная поэтическая идея не соответствовала найденным поэтическим формам. У Исаакяна это стихотворение имеет оригинальное построение строфы: первая — четверостишие, вторая —

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 7.

² У А. Исаакяна:

«Над могилой моей на все четыре стороны
Распростерлись бы нивы пшеницы и блестели бы
И ивы с распущенными волосами
Поникли надо мной и сладко плакали».

³ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 7.

⁴ Там же.

⁵ А. И с а а к я н, Собрание сочинений, т. I, стр. 24.

⁶ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 1.

семь строк. Вот об этой трудности и говорит Блок: о трудности точной передачи мысли на другом языке при сохранении сложной конструкции строфы.

Поэтическая идея этого стихотворения такова: поэт — часть природы, его внутренний мир непрестанно обогащается от соприкосновения с жизнью, но поэт снова отдает миру красоту жизни, переплавленную в художественные образы. Эта идея очень близка самому Блоку, который не раз высказывал ее в своих статьях¹. Поэтому он стремится особенно бережно донести ее до читателя, и она не укладывается в те ритмы и образы, которые Блок для нее находит.

Первая попытка перевода этого стихотворения такова:

«В мире я — дивная тварь,
В сердце — поют небеса,
[Пышут пожары]
Пламенем пышет любовь,
Скорби шумят голоса.
Если из песен души,
Что я из сердца исторг,
Нежной, коснемся тебя,
Станешь ты ... восторг
Искры пожара любви
В твой
Вся ты сгоришь от тревог,
Если искра одна из костра
Залетит »².

Здесь мысль о поэте, обогащающем мир, выражена образом пожара: сердце поэта — костер, он несет людям обжигающий огонь («пышут пожары», «пламенем пышет любовь», «искры пожара любви», «искры костра» — сжигают нежное сердце прекрасной женщины).

Однако этим поэтическим решением Блок остался недоволен. Он продолжал искать образы, которые могли бы вместить философскую идею произведения.

Все варианты этого стихотворения до нас не дошли. Мы располагаем тремя вариантами, но их, видимо, было значительно больше. Второй вариант имеет помету на полях «9-я проба» (следовательно, было еще семь), а за ним следует третий (вероятно, «10-я проба»), после которого Блок оставил попытки перевести это стихотворение.

Следовательно, второму варианту предшествовали несколько попыток, которые остались нам неизвестными.

Второй вариант такой:

«В сердце горные песни звучат,
Пламенеет любовь, как костер.
Там потоки шумят.
Если песни моей только звук,
Милый звук дивных песен души,
Что из груди я исторг,
Если, нежной, коснемся тебя,
Вся ты станешь восторг.
Если милая искра одна
[Из пожара любви]
Упадет³ в твой [безмолвный чертог].

¹ См. «О лирике» А. Блока (Собрание сочинений, т. 10. Л., 1932—1936, стр. 62—63).

² ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 151, л. 1.

³ Вариант: «залетит».

Черноокая, ты
 Вся сгоришь от тревог.
 Из потока шумящих скорбей
 Если чистая капля одна
 Упадет на прекрасную грудь,
 Будешь скорбью ты вся сожжена»¹.

Здесь идея стихотворения передана тремя поэтическими образами: душа поэта — музыкальный инструмент, создающий прекрасные мелодии, душа поэта — костер, несущий людям благодетельный и сжигающий огонь, и душа поэта — могучий поток радостей и скорбей.

Блок не закончил этого варианта, так как, видимо, он показался ему слишком перегруженным поэтическими образами.

Последний вариант такой:

«Небо — сердце мое;
 Для всякой твари
 Там есть свой угол,
 Там есть звезды.
 Небо — сердце мое!
 Цветку — аромат,
 Деве — любовь,
 Жизнь — мертвой пустыне,
 Пустому сердцу
 [Дарит оно].
 Небо — сердце мое...
 Мое сердце — небо»².

В последнем варианте идея выражена через поэтический образ — «сердце поэта — небо» («Там есть звезды», «небо — сердце мое», дарит «жизнь мертвой пустыне»), которой точно передает мысль оригинала. Но и этот вариант не был отработан Блоком, так как, видимо, тоже его не удовлетворил.

В работе Блока над этим стихотворением сказались высокая требовательность мастера стиха. Избрав главным элементом поэтическую идею стиха, Блок мучительно искал точной ее передачи — и не нашел, отвергнув одно за другим найденные поэтические решения.

В стихотворении Исаакяна «У родника лань»³ Блок избирает главным элементом музыкальный его строй, свободное и гармоническое течение звуков. Поэтическая идея этого стихотворения — тоска по красоте великого чувства любви — требует особого словесного выражения, внутренней музыкальности поэтической фразы.

Музыкальное звучание в оригинале подчеркивается звуковым повтором («мурик-мурик»). Блок стремится передать на русском языке своеобразную мелодию стиха — а потому он ищет звуковые повторы, которые бы передали ритмику оригинала. Так, в первых вариантах появляется повтор:

«Жадно ищет лань,
 Жадно ищет оленя везде».

И еще:

«Жадно ищет он
 Жадно ищет всю ночь и весь день».

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 2.

² Там же, л. 12.

³ А. И с а а к я н, Собрание сочинений, т. I, стр. 94.

Но они многословны, и Блок заменяет их одним звуковым повтором:

«рыщет-ищет».

Блок находит несколько элементов к образу лани:

лань пугливая
дрожащая
зовущая,—

и все отбрасывает один за другим, так как они не укладываются в избранный размер, ломают музыку стиха¹.

В черновых вариантах можно проследить, как постепенно вырисовывается строфа за строфой, как все явственнее звучит мелодия стиха. Так, в первых вариантах мысль еще рыхла, ритмика стиха слабо улавливается:

«Видит пугливая лань
[Увидела]
Образ оленя в воде,
Страстно ищет² его [дрожащая] лань,
Ищет оленя везде»³.

Этот вариант отражает первые поиски Блока.

Постепенно намечается ритмика — слегка ковыляющий, с ритмическими переборами стих. Все то, что не укладывается в этот ритм, безжалостно отсекается.

Второй черновой вариант первой строфы звучит так:

«Увидела лань
Отражение оленя в воде,
Жадно ищет лань,
Жадно ищет оленя везде»⁴.

Эта строфа в беловом тексте изменена так, что ритмика становится более четкой:

«Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень».

Вторая строфа этого стихотворения также окончательно оформляется после нескольких вариантов.

Блок начал работу над второй строфой поисками поэтических средств выражения мысли, без учета ритмики. Он записывает: «рыщет-ищет». Это — повтор, который войдет во вторую строфу. Вслед за этим намечается образ: «ланий зов — сквозь сон». И Блок начинает ритмически оформлять строфу:

«А олень тот услышал во сне [сквозь сон],
Голос лани услышал олень,
он
Жадно ищет
Жадно ищет всю ночь и весь день».

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 12.

² Вариант: «зовет».

³ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 22.

⁴ Там же.

Этот вариант соответствует ранним вариантам первой строфы, построенной на том же словесном повторе («жадно ищет — жадно ищет»). Отбросив первую строфу в таком оформлении, Блок отказался и от второй.

Сохраняя принцип музыкальности, как ведущий принцип перевода стихотворения, Блок стремится найти звуковые повторы, которые проходили бы и в первой и во второй строфе. И вот этот повтор найден — «рыщет-ищет». Теперь его надо приспособить к общему тону второй строфы, освоить ритмически. Первые попытки не удаются, ритмика в стихотворении слабо прослеживается. Так возникает «вторая проба» (второй вариант второй строфы):

«Голосом лани сквозь сон
Жадный встревожен олень,
Страсно пугливую он
Ищет [зовущую].
Рыщет всю ночь и весь день»¹.

И, наконец, мысль оформляется ритмически — отсекается все, что нарушает ритм. В беловом тексте эта строфа звучит так:

«Ланий зов сквозь сон
Услыхал олень
Рыщет, ищет он
Ищет день и ночь»².

В этих поисках вырисовывается лицо Блока-художника, страстно ищущего слияния мысли с поэтической формой.

Простота, сестра истинного таланта, лаконичность, точность поэтической мысли увенчали эти поиски.

Работая над формой стихотворения, Блок тщательно обдумывает поэтические средства — метафоры, эпитеты, сравнения. Черновые варианты сохранили следы этой кропотливой работы. Например, в стихотворении Исаакяна «Եւ օր զսև օր ի սև իշխի արարչի»³ («И орел черный спустился стремительно») Блок ищет эпитет:

орел { бысролетный
 черный
 смурый

Им сохраняется в беловом тексте первый и второй эпитеты, а последний отброшен, вероятно как неточный.

В стихотворении Исаакяна «Այլ, ալ-վարդի, սիրս վարդի» («От алой розы, розы любви») Блок долго отработывает образ «траур любви». К этому образу относится сложная метафора:

«зеленые, красные дни . . .
чернеют трауром любви»⁴.

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 22.

² Там же, № 155, л. 23. Следует отметить, что в этом стихотворении А. Блок, передавая звукопись, не стремился сохранить ритм оригинала. Ритм перевода Блока иной, чем у А. Исаакяна (у Блока — ямб, у А. Исаакяна — трехсложный).

³ А. И с а а к я н, Собрание сочинений, т. I, стр. 177.

⁴ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 8.

Блок отбрасывает этот образ, так как на русском языке он звучит плохо («красные дни чернеют...») и находит второй:

«Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви»¹.

Найденный образ не банален и вместе с тем далек от вычурности: дни повиты печалью, как траурными лентами. Этот образ сохраняет Блок в беловом тексте.

Стремление выразить мысль просто, без многословия, можно ясно проследить по многим черновым наброскам. Блок долго шлифует одну и ту же мысль, чтобы выразить ее сжато, четко и экономно. Так, например, в стихотворении Исаакяна «Ահ, ալոյ րօզ, րօզ լոբւի»² («Ах, алой розы, розы любви») Блок не сразу нашел четкую структуру. Первый вариант был гораздо многословнее. Черновой текст этого стихотворения такой:

«От алой розы, розы любви —
Увы, остались сухие шипы!
Ах, где ты, роза, любви,
Лишь остались сухие шипы!
Шипы сухие в сердце впились,
В мое младое [юное] сердце вошли они.
Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви
[чернеют]
Ах, жаль . . . Все, что есть от дней весны
Увы, [лишь вы]
Вы, вы, колючие шипы!»³.

Черновой вариант более точно передает ритмику оригинала, но в нем нет четкой конструкции; мысль все время движется спиралью, повторяясь в различных вариациях. Такая конструкция Блока не удовлетворила. Он стягивает строки, убирает повторения — и стихотворение приобретает четкую форму:

«От алой розы, розы любви,
Увы, остались одни шипы!
Шипы сухие в сердце впились,
В младое сердце вошли они.
Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви.
Все, все, что есть от дней весны —
Вы, вы, колючие шипы»⁴.

¹ У Исаакяна: «Կարմիր-կանաչ իմ օրերը
Սիրո սրտ սևացան»:

«Красно-зеленые дни мои
Почернели от траура любви»

(А. Исаакян, Собрание сочинений, т. I, стр. 55). Следует при этом заметить, что эпитет «красно-зеленый» характерен для Исаакяна и связан с народной армянской символикой: в народной устной поэзии «красно-зеленый» — символ радости. Блок не мог учесть этот образ-символ, так как не почувствовал его национальной окраски, и потому этот образ ему кажется неточным: «красно-зеленые дни ... почернели».

² А. Исаакян, Собрание сочинений, т. I, стр. 55.

³ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. I, № 154, л. 8.

⁴ Там же, № 155, л. 33.

[И баюкают волны меня]
Навевая мне нежные сны».

Но оба варианта не удовлетворили Блока, так как не вполне точно передавали поэтическую мысль. Он продолжал искать... Так возникает третий вариант, более точный, но многословный:

«Снилось мне — у соленой волны
Ранен в сердце я тихо прилег,
И волны навевают мне нежные сны,
Набегают волна на влажный песок»¹.

Этот вариант близок к оригиналу. Теперь, когда найдены формы поэтической мысли, строфа отделяется, все лишнее устраняется, и она приобретает законченность:

«Снилось мне — у соленой воды
Ранен в сердце я тихо прилег:
Навевая мне нежные сны,
Набегают волна на песок».

Работая над ритмикой стиха, Блок стремится по возможности точно передать в переводе ритмический его рисунок.

Правда, в письме к Брюсову от 1 декабря 1915 г., цитировавшемся выше, Блок говорил, что «рифма Исаакяна занимает не первое место, поэтому или опускал ее или добавлял от себя (впрочем, не часто)...»². Однако сопоставление подлинника с переводом показывает, что Блок очень бережно относился к поэтической форме, стремясь по возможности сохранить в переводе поэтические качества подлинника.

Совершенно прав С. Шервинский³, который считал, что переводы А. Блока — лучшие переводы лирики Исаакяна, так как они передают песенную стихию поэзии Исаакяна, народное ее звучание. Эта песенность достигается в переводах Блока прежде всего тщательной отделкой поэтической формы, музыкальностью звучаний. В черновых набросках переводов Блока мы встретили два приема работы над стихом: 1) Передача мысли парными образами и 2) создание каркаса будущей поэтической строки.

В первом случае Блок записывает несколько парных образов-синонимов, из которых затем вносит в беловой текст наиболее точный. Например:

«Я увидел во сне: колыхаясь (змеясь)
висясь⁴
Проходил караван, сладко пели звонки.
По [склонам]
уступам горы, громоздясь и висясь
Проползал караван . . . »⁴.

Или:

«Я у моря прилег
Снилось мне: Я в приморских камнях
У морской глубины
На морском берегу
Тяжко раненый в сердце прилег
[в грудь]»⁵.

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 10.

² А. Блок, Стихотворения, стр. 778.

³ См. «Литературная газета» от 12 января 1946 г.: С. Шервинский, Избранный Исаакян.

⁴ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 20.

⁵ Там же, л. 10.

Или:

«Мои зеленые, красные дни
Повиты трауром любви»¹.
[чернеют]

Или:

«В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок [нежный] страстный,
Не зная мрака и скорбей,
Поет любовь [безмятежный] сладкогласный».

Такой прием — одна из особенностей работы Блока над стихотворением, часто встречающаяся в его черновых набросках.

Во втором случае Блок создает каркас поэтической строки (или строфы), т. е. записывает первые и последние слова строки или строфы, чтобы потом ее заполнить. Например:

«Станешь ты . . . восторг»²
Там потоки моря»³
«Жадно он»⁴
«Кругом безнадежный, ужасный»⁵.

Опорные слова должны помочь впоследствии Блоку найти нужный ритм.

Ритмический строй переводов А. Блока в основном традиционен; переводы решены в традиции русской классической поэзии XIX—начала XX вв. В пределах этой традиции Блок позволяет себе известную ритмическую свободу: своеобразную акцентировку стиха, свободное построение строфы, ритмические перебои в традиционных двусложных размерах. Эти черты ритмики характерны для поэзии зрелого Блока.

Большинство переводов Исаакяна у Блока имеет двусложные размеры, в основном ямб, который в эти годы занимал ведущее место в поэзии Блока. Надо сказать, что и в подлиннике Исаакяна ямб встречается довольно часто, хотя поэт пользуется и другими размерами.

Несколько в стороне от ритмических исканий Блока стоит перевод стихотворения Исаакяна «*Էն անտիկ արման խոլի քրտնաճուլ*» («Глухими раскатами»)⁶, который, как мы уже сказали, решен в ритмической системе народного стиха (дольник).

Как известно, дольник характеризуется тем, что не имеет правильного чередования ударных и безударных слогов, а требует лишь равного количества ударных слогов (акцентов) в строке. В этом случае дольник звучит так:

«Когда смолкнет ббй
Не ищи меня
В удалой толпе
Боевых друзей»,

т. е. имеет два акцента в строфе. Дольник был избран Блоком потому, что он стремился оформить этот перевод в стиле русской народной песни (о чем мы говорили выше).

Дольник не редок в зрелой поэзии Блока и свидетельствует о ее ритмическом разнообразии. Но этот размер — исключение в данных переводах Блока. Большинство переводов не порывает с традицией классического стиха. Стих Блока оригинален — за счет свободного построения строфы, ритмических перебоев, изменяющих традиционное

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, лл. 40, 50.

² Там же, № 154, л. 2.

³ Там же, л. 1.

⁴ Там же, л. 22.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ Там же, № 155, л. 31; А. Исаакян, Собрание сочинений, т. I, стр. 141.

звучание. Так, в стихотворении «Արևուրի ձկն ար ձարալ» («У родника лань»)¹ Блок вносит ритмические перебои — последняя стопа во второй строке неполная, и мелодия стиха приобретает необычность:

«Видит лань в воде
Отражен олень».

Или в другом стихотворении, «Երազիս տեսա, որ ձովի փրհն» («Во сне я увидел, что у моря»), третья стопа имеет лишний безударный слог:

«Снилось мне у соленой воды»².

Для передачи национального колорита Блок пользуется традиционными ритмическими приемами восточной поэзии — повторами, внутренней рифмой и др. Так, в стихотворении «Երազիս տեսա, որ ձովի փրհն»³ («Во сне я видел») Блок сохраняет словесный повтор оригинала, стремясь донести до читателя национальную форму стиха. Строфа в оригинале рифмуется а б а б, с повтором в роли рифмы.

У Блока: «Я увидел во сне: колыхаясь, внясь,
Проходил караван, сладко пели звонки
По уступам горы, громоздась и змеясь,
Проползал караван, сладко пели звонки».

В данном случае, при переводе первой строфы этого стихотворения, Блок избрал главным элементом ритмику стиха и передал ее с поразительной точностью. У Блока первая строфа также рифмуется с сохранением повтора в роли рифмы. Во второй строфе оригинала национальные приметы не выявлены в ритмике. Блок сохраняет ритмический рисунок стиха, а национальный колорит передает изобразительными средствами.

В оригинале вторая строфа имеет не традиционное построение: т. е. а б с б.

В переводе Блока:

«Посреди каравана — бесценная джан,
Радость блещет в очах, подвенченный наряд,
Я — за нею, палимый тоской . . .

Караван

Раздавил мое сердце, поверг меня в прах»⁴.

Строфа у Блока имеет тоже не традиционное построение, хотя и не передает точно ритмику оригинала: т. е. а б а с. Блок заменяет эпитет оригинала («нежная») более национально окрашенным — «бесценная джан», подчеркивая им национальный характер стихотворения. Этот эпитет не сразу дался Блоку⁵. В черновом наброске эта строфа была более многословной:

«Посреди каравана — любимая,
В караване — невеста моя, моя джан,
Подвенченный наряд, радость блещет в очах,
Я за нею — палимый тоской.

Караван

Наступил мне на сердце, поверг меня в прах»⁶.

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 28.

² Там же.

³ А. Исаакян, Собрание сочинений, т. 1, стр. 195, у Блока — ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 15 л. 20.

⁴ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 20.

⁵ В письме В. Я. Грюсову от 1 декабря 1915 г. Блок писал: «... Слово «джан» не только сохранил, но и от себя прибавил кое-где, очень уж хорошее слово» (А. Блок, Стихотворения, стр. 778).

⁶ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 13.

В черновом наброске образ передан через три образа:

любимая,
невеста моя,
моя джан.

Этот набросок ближе к оригиналу, чем беловой текст.

У Исаакяна также три образа:

нежная,
радостная,
в покрывале невесты¹.

Однако в данном случае Блок стремился не столько к смысловой точности, сколько к сохранению точности ритмического рисунка стиха. Он избирает эпитет «бесценная джан», несущий национальную окраску, отбрасывая другие. Нетрадиционное построение второй строфы оригинала сохраняется и в переводе.

При переводе стихотворения Исаакяна «Եւ օրն ի սիւրբ սիւրբ օրն» («И орел черный спустился стремительно») Блок старается передать музыку стиха, его текучий ритм. Для этого он пользуется аллитерацией, построенной на повторе сонорных р, л, которые играют роль внутренней рифмы, столь характерной для восточной поэзии:

«Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и возвел
На вершины торжественных скал»².

В оригинале аллитерация отсутствует. В переводе Блока стих приобретает музыкальность, песенную напевность, которая Исаакяном достигнута другими средствами, другими звуковыми сочетаниями.

С традицией армянской поэзии связана ритмика чернового наброска «Что над огнем ты варишь, мать?» (беловой текст отсутствует; черновой набросок не был завершён Блоком, так как видимо не удовлетворил его)³. Это стихотворение имеет словесный повтор, играющий одновременно роль рифмы:

«Что над огнем ты варишь, мать?
Зачем огонь зажгла ты, мать?
Чтоб боль унять, тебе питье,
Ах, боль в сердце, мать
[рана]
На что снадобье твое?»⁴.

В оригинале эта строфа также имеет повтор. У Блока повтор переплетается с внутренней рифмой («мать» — «чтоб боль унять») — и создается сложный ритмический рисунок стиха.

Большой свободы и разнообразия достигает Блок в построении строфы. В переводах Блока мы встречаем и традиционное четверостишие, и двестишие, и строфу в пять строк, и др.

Ряд стихов имеет традиционную рифмовку — четверостишие с рифмовкой а б а б.

¹ А. И с а к я н, Собрание сочинений, т. 1, стр. 195.

² ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 11.

³ В собрании сочинений известных нам изданиях Блока перевод этот не публикуется.

⁴ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 6

Например:

«В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный.
Не знает мрака и скорбей.
Поет любовь и свет прекрасный»¹.

Иногда эта рифмовка разнообразится: строфа в четыре строки, классическая, рифмуется не традиционно:

«Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершины Манташа
Налетал, надо мною дыша»²,

то есть строфа построена а б с с.

Такое же нетрадиционное построение в стихотворении «И черный орел спустился стремительно»³ — а а а а или в упоминавшемся выше стихотворении «Во сне я увидел...»⁴ вторая строфа рифмуется в переводе а б а с.

В одном случае Блок пользуется составной рифмой, впоследствии развитой в поэтической системе В. В. Маяковского:

(везде — весь день)⁵.

Но наряду с традиционной строфой мы встречаем в переводах Блока и двестишие со сложной рифмовкой (последняя вторая строка первой строфы рифмуется с первой строкой последующей). Например:

«Шипы сухие в сердце впились.
В младое сердце вошли они,
Мои зеленые, красные дни.
Повиты трауром любви»⁶.

При этом следует заметить, что Блок отказывается в этом стихотворении от ритмического строя оригинала. В оригинале первая строфа — двестишие, а вторая — четверостишие и третья — снова двестишие. Блок избирает двестишие для всех трех строф, как более характерное для армянского стиха. В этом случае национальный колорит стихотворения подчеркивается традиционной ритмикой. Черновой набросок «Что над огнем ты варишь, мать?» имеет своеобразную строфу — в пять строк. В переводе этого стихотворения Блок избирает главным элементом поэтическую идею, а ритмический строй стиха передает свободно, не ориентируясь на ритмику подлинника. В оригинале это стихотворение имеет традиционную строфу из четырех строк с классической рифмовкой а б а б.

Таким образом, изучение черновых и беловых автографов переводов Блока показывает, как творчески относился он к делу перевода.

С большим эстетическим вкусом стремился Блок проникнуть в характер поэзии Исаакяна, понять направляющие ее линии и свободно передать в переводе ее поэтическую мысль. Переводы Блока отличаются не дословной точностью — но музыкальностью, ритмической свободой и свободным, творческим переложением поэтической идеи.

Не все переводы А. Блока равны по качеству поэтической техники. Некоторые из них свидетельствуют о поисках поэтической формы — более или менее удачных. Но все они говорят о высокой требовательности мастера, о стремлении поэта передать дух подлинника, донести в переводе мастерство поэтической формы оригинала.

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 155, л. 40.

² Там же, л. 22.

³ Там же, л. 11.

⁴ Там же, л. 20.

⁵ Там же, л. 22.

⁶ Там же, л. 33.

* * *

В конце статьи считаем не лишним привести черновые наброски переводов Блока двух стихотворений Исаакяна («*Սիրուն Կրկինք է՞*» и «*Են Ի՞նչ Կրկն Կաննու. Սերիկ*»), найденные нами в архиве Блока (ИРЛИ). Эти наброски не публиковались в известных нам полных изданиях Блока. Нам кажется, что любознательному читателю будет интересно познакомиться с малоизвестными текстами этих переводов.

1. «Что над огнем ты варишь, мать?
Зачем огонь зажгла ты, мать?
— Чтоб боль унять, [тебе] питье
— Ах, боль в сердце . . . , мать,
[рана]
На что мне снадобье твое?
Я тяжко ранен в сердце, мать,
Мне исцеленья нет,
Не терзай! мне сердце, мать.
Мне исцеленья нет.

2. В мире я — дивная тварь²,
В сердце — поют небеса,
[Пышут пожары]
Пламенем пышет любовь,
Скорби поют голоса.

Если из песен души,
Что я из сердце исторг,
Нежной, коснемся тебя,
Станешь ты . . . восторг.

Искры пожара любви
В твой
Вся ты сгоришь от тревог
Если искра одна из костра
Залетит . . . ³

3. В сердце горные песни звучат,
[небесные]
Пламенеет любовь, как костер,
Там . . . потоки шумят.

Если песни моей только звук,
Малый звук дивных песен души,
Что из груди я исторг,
Если, нежной, коснемся тебя,
Вся ты станешь . . . восторг.

¹ Слово неразборчиво, передаем ориентировочно.

² Второе, третье и четвертое стихотворения мы рассматриваем как черновые наброски стихотворения А. Исаакяна «*Սիրուն Կրկինք է՞*» («Сердце мое — небо»), см. А. И с а а к я н, Собрание сочинений, т. I, стр. 24.

³ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 1.

Если малая искра одна
 [из пожара любви]
 Упадет в твой [безмолвный] чертог,
 [долетит]
 Черноокая, ты
 Вся сгоришь от . . . тревог.

Из потока шумящих скорбен
 Если чистая капля одна
 Упадет на прекрасную грудь,—
 Будешь скорбью ты вся сожжена¹.

4. Небо — сердце мое,
 Для всякой твари
 Там есть свой угол,
 Там есть звезды.

Небо — сердце мое!
 Цветку — аромат,
 Деве — любовь,
 Жизнь — мертвой пустыни.

Пустому сердцу
 [Дарит оно]
 Небо — сердце мое . . .
 Мое сердце — небо»².

Ա. ԲԼՈՎԻՐ ԻՍԱՀԱԿՅԱՆԻ ԹԱՐԳՄԱՆԻՉ

Մ. Լ. ՄԻՐՁԱ-ԱՎԱԳՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Հոգվածում քննարկվում են Ավ. Իսահակյանի բանաստեղծությունների՝ Ալ. Բլոկի կատարած թարգմանությունների մի քանի սկզբունքները, համադրվում են թարգմանությունների սևագիր և մաքրագիր տեքստերը, որոնք հեղինակը հայտնաբերել է Ռուս գրականության ինստիտուտի արխիվում: Սևագիր և մաքրագիր օրինակների ուսումնասիրությունը օգնում է հետևելու բանաստեղծական մտքի ձևավորման պրոցեսին, բացահայտելու գեղարվեստական կերպարների նկատմամբ եղած մոտեցման օրինաչափությունները, ինչպես նաև մի քանի ընդհանուր եզրակացություններ անելու Ավ. Իսահակյանի բանաստեղծություններում եղած ազգային կոլորիտի հանդեպ Բլոկի ունեցած մոտեցման վերաբերյալ: Միևնույն թարգմանության մի քանի սևագիր վարիանտների քննարկումը հնարավորություն է տալիս հետևելու, թե ինչպես է ձևավորվում բանաստեղծական իդեան, ինչպես է աշխատել Բլոկը ոտանավորի ռիթմիկ նկարագրի վրա: Հոգվածում բերվում են Ավ. Իսահակյանի երկու բանաստեղծության սևագիր թարգմանությունները, որոնք չեն հրատարակվել Ա. Բլոկի երկերի ժողովածուի մեջ:

¹ ИРЛИ, архив Блока, ф. 654, оп. 1, № 154, л. 2.

² Там же, л. 12.